Ещё бесснежен сумрак вековой, А ты, до края чашу наливая, Отчаливаешь в облачный конвой, Где так вторична участь нулевая.

Заткнись и пей. Вторая соколом. Тверди, мол, мир от смерти заслоняю, Вобрав немолчный шелест за окном, Пошатываясь между сном и явью...

Не пробуждайся. Молча, сиротей, Размокшие талоны отоварив. Оттиснут на сетчатке серый день, И ранняя зима, и гром трамваев,

Когда твоя судьба чернее шпал, Болезненнее плёток семихвостых, Уместно вспомнить, как полжизни ждал Чего-то запредельного, как воздух,

Но вымахнув почти на полтебя, Как сивка перед горками крутыми, Стоит октябрь, и паче бытия – Предзимний взбрык унынья и гордыни. Вот и накаркано столоверченье: Мне, чьё сознанье – плакат, Под покаянные звоны к вечерне, Треск негасимых лампад. В мире безумном, как страсть пиромана, Катит судьба посолонь. Там, где дружина моя пировала, Тянет остывшей золой.

Ельник, дубняк ли, итог одинаков: Спички, бензин, головня. Год миновал в расточенье дензнаков. Голо. До снега полдня. В окна глядя, собираясь в собранье, То же лелеешь в уме: Ранние сумерки, осень сырая, Будто бы плач обо мне.

Что же останется, малость какая – Просека, россыпь опят? Безблагодатность свою постигая, Галочьи стаи вопят: Жив ли, истаял, юдоль неизменна, Как до тебя – целина. Наперекор беснованью безмена Вечно трава зелена.

Вечны – ты слышишь? – бордюрные камни, Парша газонов и клумб, Чьи кошельки, как зобы пеликаньи, Норов задирист и глуп. Пусть же душа твоя напрочь истлела – Дух твой затем уцелел, Чтобы, на миг показавшись из тлена, Снова обрушиться в тлен. Эта пыль картонажная, едкая хлорка в сортирах, Оцинкованный тазик и тряпка засохшая в нём – Наслаждайся, пацан. Это запах родимых затирок. От него мы не раз неприятеля прочь шуганём.

Нам давно не в новинку сливные потёки на трубах. Нас рожали на смерть подмосковные вечера. Мы наследники тлена, последыши приисков рудных, И душа голосит, в неминучее вовлечена,

Что и вправду пора, посреди копошенья заглохнув, Затвердить наизусть – коли нет ничего, шикани: Пропади в этой мгле между саун и автосалонов, Подле платных парковок у моргов и бывших НИИ.

Это Родина пахнет – невинно, подмышечно, сонно, И над нею смердят оккупантов клыки и резцы, Потому что свежи и манящи бесплодные стогна Вдоль заборов рифлёных и липкой апрельской грязцы.

* * *

Когда над крышами горит Усталость ледяного плена, И явь отсвечивает бледно Меж Сцилл кровавых и Харибд, На ржавых пиках арматур Трепещет горизонта сажень, Чтоб ветер, землю искусавший, Аллеям слёзы промокнул,

Мне холодно в родном краю, Протопленном с такой натугой, Что ноздри забивает уголь И злаки чахнут на корню.

Мне – холодно в краю родном, Без мыслей, чувств, надежд, желаний, Когда манит зрачок шерханий На запасной аэродром,

Где хором дизели козлят, Не помня, как весны хотели, И март врывается в котельни, Удушьем затыкая взгляд. Что делать мне? Охолону Под ликами канонов строгих, Стадами блёклых новостроек, Расписанных под хохлому.

И лишь густая синева, Дымясь эффектом парниковым Встаёт враспор, как в горле комом, Самой собой осенена – Одна, не пятясь, не юля, По испохабленному праху Внесёт прижизненную правку Последним снегом февраля.

* * *

Враньё, что за юность вторую отдашь Последнее, лишь бы не дать слабину. Те годы изгадил нам Ельцин-алкаш, От этой вины не отмыться ему.

Как нас убивали, тащили ко дну, Как спиртом Рояль выжигали глаза, Поди ж ты попробуй простить крикуну, Что судьбы народные гнал на ловца.

Молились в церквах, чтоб избранник просох, И жизнь пролетала почти без труда, Но годы текли, как ножом о брусок, И вместо рассвета плыла пестрота.

И пахли рассветы сплошной тошнотой, Бесились уродцы в своём Эн-Ти-Ви, А мы по грязи в Гудермес и Шатой, А нам – первопутков дожди-октябри.

Вожди в лимузинах, а мы кое-как, По муторной слякоти, в сорном дыму, Лишь Тот, что над нами, и есть олигарх: Цена нам известна Ему одному.

* * *

Не любуясь ничем – не собою, ни прошлым, ни прожитым, Кое-как сознавая масштабы и сроки работ, Над путями стоишь, проводами и гравийным крошевом, И звенит, словно нимб, однодневной мошки хоровод.

Отчего ж не домой? Иль почудились некие трещины, Где не надо им быть и не могут нигде и никак? Но посадки шумят, и, друг с другом навек перекрещены, Родники пробиваются в тёмных лесных родниках.

То, что будет всегда, то, что свято, и мило, и дорого, По ходатайству бед, истекающих ржавой слюной, В поднебесную гавань ракушечным корпусом торкнуто, Словно ты отмолил и ручьи, и коллектор сливной,

И дренажной канавы заросшие ряской промоины, И облезший, как череп, поросший травой бензобак – Все они на земле этим шелестом скорбным отмолены Под свистки электричек и вой одичалых собак.

МОЕМУ ДОНБАССУ

Прощаешь и содом, и запустенье, Когда, истерзан бесконечным сном, Недели две не в силах встать с постели, Лежит январь, предсмертно невесом. А день уже прибавился немного, И, неба задымленного густей, Скрипит заслонкой царствия дневного Холодный свет зеркальных плоскостей.

И вдалеке, где отмели песчаней Курантов, что фатально отстают, Сквозь череду надежд и обещаний Просвечивает некий абсолют. И в дверь его уже не постучаться, В сенях не снять вакульих черевик; Гармония природы безучастна К людским стадам и назначенью их.

Но чьей бы плотью дух не облекался, В нём каждый атом вечно выжидал, Когда отпавший примет, как лекарство, Рябящего экрана высший дар И тот язык, лепечущий суконно Змеиные слова – «гноись, иовь», И колокол, подвешенный за горло, Боднувший воздух и умолкший вновь.

* * *

Дмитрию Филиппову

Не могу осознать, а раз так, то, наверно, не надо мне, Как сливают страну и как мёртвый над нею стою, И на подиум входят литые самцы доминантные, А другие в гробах возвращаются в землю свою.

И на этой земле, сухоснежьем едва припорошенной, Штыковыми лопатами роют им скорбный альков, И звенит в их манерках последней упрямой горошиной То ли хруст мировой, то ли слышанный в детстве Тальков.

Не журись, пацаны, неизвестно, кому тут хреновее: Вы-то вон, залегли аж до самого Судного дня. Остающимся – память о том, что не стали героями, Поменяться бы с вами местами... такая фигня...

За три выстрела взводных, овальный портретик на мраморе, За гвардейскую ленту венка, что от хмари промок, Оловянную кружку со ста милосердными граммами, Поменялся бы с вами и я, если только бы мог.

* * *

До каденций ли ражих, мажорных, Если стелется к славе Твоей Эта осень, сухая, как шорох Притворённых за летом дверей.

И без разницы, раньше иль позже Вспоминать о минувшем тепле – Подморозило, Господи Боже, И воистину – слава Тебе.

Пионерски ничтожной речёвкой Раздербаненный прет кавардак - Побежалость листвы обреченной, Хороводы ее во дворах,

И одно ощущение крепнет, И один лишь пейзаж и видней -Нескончаемый ветреный трепет, Содрогание голых ветвей.

г. Москва